Обращение с заключенными не всегда было самым добрым. Трой знал это с самого детства, зная, что можно сделать с теми, кого не любит общество. Взгляды отвращения, хмурые взгляды из-за необходимости быть рядом с бедными, недоразумения, из-за которых простые люди считали их откровенными лентяями, и все остальное, что можно было придумать, сделали Троя тем человеком, которым он был сегодня, понимая, что ошибочная информация по этому вопросу создала так много проблем.

Даже срок заключения трудно было определить. Большинство думало об этом как о тех, кто находится в тюрьме, тех, у кого нет свободы передвижения по всему миру. Трой еще немного расширил этот термин в своей голове, думая, что настоящие заключенные - это те, кому даже не нужна клетка, чтобы держать их взаперти. В конце концов, отсутствие свободы передвижения не требовало физической клетки, даже если эта клетка чрезвычайно помогала другим людям осознавать ее наличие. Те, кто был беднее, те, кто не мог позволить себе ни шагу за пределы города, и те, кто едва мог позволить себе дышать слишком глубоко из-за дополнительных израсходованных калорий, стали свидетелями настоящего заключения.

Большинству приходилось весь день сидеть на своих стульях, чтобы не умереть с голоду, не имея возможности умереть за это в любом случае. Вместо того, чтобы зарыться на два метра в землю, правительство появлялось в последние секунды и вставляло им в горло трубку на несколько недель, насильно кормя их отвратительной кашей, от которой любого, у кого было хоть какое-то чувство вкуса, вырвало бы. Не то чтобы те, кого этим кормили, вообще могли почувствовать вкус, у большинства не было языков, все это было вырезано, чтобы им вообще не пришлось пробовать. В конце концов, повторяющиеся травмы заставили людей осознать абсурдные решения, и никто не хотел ждать, пока страдания будут приходить периодически.

Однако, уходя от психического заключения, которым был низший класс, Трой все еще имел немало мыслей о физических клетках, в которых могли содержаться люди, и о том, как обращались с людьми внутри. Он никогда раньше не был в настоящих тюрьмах, поэтому не мог по-настоящему сказать, что видел все это своими глазами. Тем не менее, он жил рядом со многими, кто это сделал, он разговаривал со многими, кто проболтался об этом, и он видел видеозаписи того, как офицеры видели заключенных.

Было более чем несколько веских причин, по которым съемки в правительственных помещениях были строго ограничены. Одним из них, конечно же, было предотвращение утечки конфиденциальной информации. Не было никакой необходимости в том, чтобы внешние шпионы заглядывали внутрь и передавали все технологические секреты миру. И ... это было совершенно справедливо при ограничении возможностей записи для всех в этих местах. Трой, конечно, видел это именно так, зная, как много нужно скрывать, когда дело доходит до технологий.

Но он также знал, как много можно было скрыть на другом конце спектра. Вместо того чтобы думать о более грандиозных проектах, о крупном технологическом проекте, призванном спасти мир, этот человек вместо этого думал об индивидуальном обращении с людьми внутри. Вместо того чтобы думать об исследованиях, ученых и администраторах, призванных поддерживать развитие страны, Трой подумал об охранниках, офицерах и криминальных надзирателях, призванных обеспечивать безопасность страны. Что на самом деле происходило внутри этих массивных цементных стен?

Таких больших тюрем в мире было не так уж много, несмотря на все разговоры о том, чтобы полностью ликвидировать их. В конце концов, содержать заключенных было дорого, и гораздо лучше было приковать их к дому на природе. Однако некоторых все же бросили в камеру, и это были те, кому, вероятно, пришлось нелегко.

Как они воспринимались? Что думают богатые и состоятельные о том, кто крадет кусок хлеба? Богатые, скорее всего, будут думать о них как об идиотах, недоумевая, почему они просто не купили один из них вместо того, чтобы пытаться получить его бесплатно. В конце концов, хлеб был дешевым, его массово производили, чтобы он стоил меньше доллара за каждый кусок. Но богатые также не могли понять, каково это - жить с отрицательным богатством, когда каждый заработанный доллар только уменьшает долг, который не мог не удваиваться каждый месяц. Этого хлеба было достаточно, чтобы неделю обходиться без каши.

Не то чтобы богатые или офицеры когда-нибудь по-настоящему поняли это, почти все они происходили из богатых слоев общества. Это было преднамеренное решение правительства, даже если в наши дни этот факт не слишком активно обсуждался. Правительство не хотело, чтобы сочувствие обрушилось на преступников, чтобы офицеры просто не увидели систему такой, какая она есть, алгоритм, предназначенный для наказания тех, у кого нет другого выбора в жизни.

Итак… они смотрели свысока на воров, преступников, тех, кто воровал, и тех, кто забивался по углам в надежде, что их хлеб не заплесневеет слишком быстро. Некоторые сотрудники были добры, видя в них только тех, кто пошел по неверному жизненному пути. Было бы какое-то незначительное сочувствие, но они все равно в конечном итоге подумали бы, что отсутствие выбора было полностью ошибкой этого человека. Те, кто лгал на более среднем, крайнем уровне, считали преступников идиотами, теми, кто безудержно стремится к преступлению, никогда не нуждаясь ни в чем, кроме удара по голове, поскольку это, скорее всего, принесет больше пользы, чем вреда.

И если один удар по голове принес больше пользы, чем вреда, то что сделают десять? Имея тысячу, может ли наркоман стать хорошо зарекомендовавшим себя менеджером по работе с клиентами? Что ж ... ответом было довольно очевидное "нет", но это, конечно, не помешало некоторым тюремщикам посмотреть, сработали ли десять тысяч. Или, может быть, миллион в течение нескольких лет. Все это было одно долгое избиение, офицерам нужно было чем-то заняться, когда их наказывали круглосуточной работой, присматривая за никчемными людьми.

Трой никогда не был счастлив, думая о тех записях, которые вышли в свет. Он видел, на что были похожи эти избиения, как у некоторых людей не хватало зубов, необходимых для жевания, как их носам позволили правильно зажить, как их глаза были без хорошего зрения. Кости ломаются снова и снова, заставляя выстраиваться неправильно и делая человека навсегда калекой. Подобный процесс демонстрировался снова и снова с разными людьми, разными офицерами и в разных местах. Это было довольно широко воспринятое событие, так как в нем участвовало так много людей, что было трудно указать, кто на самом деле его начал.

Вот почему запись стала незаконной. Если они были совершены кем-либо, кто не был причастен к избиениям, у них был шанс быть выставленными на всеобщее обозрение. Если бы общественности показали, как обращались с заключенными… что ж, был шанс на некоторое сочувствие к ним. Что подумали бы другие страны, если бы люди действительно воспринимали бедных как животных? Какое лицемерие во всем этом!

Правительство быстро отреагировало на этот запрет, когда утечки, наконец, начали привлекать некоторое незначительное внимание. Не то чтобы они когда-либо попадали в мейнстрим, поскольку правительство разослало более чем достаточно угроз информационным агентствам, чтобы заставить их заткнуться. Даже несколько второстепенных каналов, которые показывали эту историю, внезапно оказались отключенными от сети, и о них больше никогда не было слышно. Люди никогда не говорили об этом, никогда не упоминали об этом. В конце концов, не было никакой необходимости говорить о том, чего никогда не было.

Людей ломали, превращали в игрушки для скучающего рабочего класса, и на них постоянно смотрели свысока. Это была трудная история для рассказа, и в нее было трудно поверить. И все же Трой встречался со многими, видел, как люди в конечном итоге выходят на свободу после двух лет в камере. Между заключенными почти не было насилия, любого, кто осмеливался смотреть другому в глаза, избивали до полусмерти взбешенные садисты.

Это была ужасная вещь, созданная для того, чтобы сделать счастливыми ужасных людей. Трой не был частью этого непосредственно, но он знал так много людей, что это было в основном одно и то же. Слабых делали слабее ради развлечения, и их высмеивали за то, что они никогда не могли постоять за себя. Они не могли постоять за себя! Любая попытка сделать это приведет к тому, что они проведут всего несколько месяцев в камере, прежде чем их отправят калекой. Тюрьмы были всего лишь местом для того, чтобы убедиться, что никто не смотрит свысока на правительство, чтобы их не постигла участь слабых. Это была угроза для любого, кто действительно должен был слушать. Те, кто мог позволить себе жить с едой в руках, были слепы к распространяемым сообщениям, но Трой слышал вопли более чем достаточно, чтобы понять истинный смысл. Он знал, чего ему нужно бояться.

Давление, оказываемое на его ноги, было больше, чем просто показателем того, где он находился. Когда Кассандра, офицер, который стрелял в него, для начала, сделала это, чтобы убедиться, что он не спит, молодой человек знал, с кем имеет дело. Адам считал их лучшими людьми в системе, но молодому человеку было трудно в это поверить. Боль, которую ему так небрежно причинили, была садистской. Он знал женщине нравилось это делать, и она, вероятно, изо всех сил старалась согнать с лица улыбку. О, как легко это было представить. Точно так же было легко видеть, как он делает то же самое с ними в отместку, время, проведенное в боли, не мешало ему думать о таких вещах.

Не то чтобы у него был хоть какой-то шанс сделать что-то подобное. Его руки, ноги и тело были слабыми. Трой был слабее, чем когда-либо прежде, и мало что мог сделать, кроме бессвязного бормотания. Даже сам человек не знал, действительно ли он говорит или нет, его уши не могли уловить никаких слов. Он мог слышать, что говорили другие, но его собственные слова были слишком сложными.

"Вы уверены, что он действительно в сознании?" - В третий раз спросил Джаред. С помощью остекленевших глаз Трой теперь действительно мог видеть этого человека. Джаред сидел на кровати недалеко от него, накрытый простыней, с несколькими проводами, привязанными к его руке. Мужчина действительно выглядел вполне здоровым, но Трой заметила легкую дрожь в плечах. Слабость была налицо, даже если она была хорошо скрыта. Из-за этого его бормотание немного усилилось. "Эти глаза даже не двигаются. Они просто открыты".

Это не было сделано намеренно! Трой сказал бы что-нибудь в этом роде, если бы он действительно мог контролировать свои черты лица. Или, может быть, он сделал бы грубый жест рукой, если бы его пальцы повиновались ему, поскольку вся мелкая моторика была полностью выведена из-под его контроля. Это было не весело, даже подергивание ногами было почти невозможно. Да, он мог напрячь мышцы, но на самом деле двигать ими было за пределами возможного диапазона движений.

Даже с ремнями, приковывающими его к кровати, Трой был совершенно беззащитен перед силой Кассандры, этот проклятый офицер, вероятно, наслаждался властью. Когда она приблизилась к нему, ее взгляд был снисходительным, сердитым и, скорее всего, крайне раздраженным. Трой почувствовал некоторую форму счастья, зная, что он, вероятно, был причиной последних двух. И, может быть, первый, если ему снова придется идти по этому пути. Трою это тоже не слишком понравилось.

Когда инвалидное кресло вынесли, женщина начала передвигать его тело. Это был невеселый опыт, пластиковые накладки по бокам кровати натирали открытую кожу. Один, вероятно, предназначался для того, чтобы его перенесли через этот небольшой барьер, но женщина просто вытащила его. Был хороший шанс, что из-за этого случая у Троя снова пошла кровь на ногах, хотя он был не в том состоянии, чтобы действительно проверить. Его разум чувствовал себя достаточно хорошо, но тело не соответствовало требуемому стандарту. Это раздражало.

Но то, что его посадили в инвалидное кресло, по крайней мере, позволило ему взглянуть на зрелище, которое он так часто видел раньше. Медицинское крыло представляло собой настоящее зрелище, поскольку Трой и Чарли были там совсем недолго. Даже тогда он не мог восхититься чистым количеством технологий, которыми были усеяны стены с головы до ног или как там это называлось. Даже если молодой человек не имел ни малейшего представления о том, что делает большая часть технологий, он все равно мог восхищаться этим.

И точно так же он мог восхищаться автоматизмом, который сидел рядом с Джаредом. Конструкция не двигалась, не моргала и даже не делала фальшивых дыхательных движений. Даже когда Трой знал, что эта штука начнет двигаться к тому времени, когда наступит полночь, он все равно чувствовал себя немного нехорошо из-за этого.

"Он очень бодрствует", - сказала Кассандра из-за спины Троя. Мужчина был помещен в инвалидное кресло с небольшим ремнем на груди, чтобы не дать ему упасть вперед. "Подергивание среднего пальца говорит мне об этом. Преступник, возможно, даже пытается послать нам сообщение.

О, боже. Трой могла только гадать, что он пытался сказать. Офицер Джаред рассмеялся над этим, когда молодого преступника медленно выкатили из медицинского крыла в коридор.

http://tl.rulate.ru/book/81391/2625759